Замѣтка изъ воспоминаній кн П. А. Вяземскаго.

Марія Ивановна Римская Корсакова (о которой упоминаетъ здѣсь А. Г. Хомутова) должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки, на которыхъ сенаторъ Башиловъ, другъ дома, въ качествѣ ресторатора, съ колпакомъ на головѣ и фартукомъ, угощалъ по картѣ, блюдами, имъ самимъ изготовленными, и должно отдать справедливость памяти его, съ большимъ кухоннымъ искусствомъ. Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ Московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Въ ней отзывались и Русскія преданія Екатерининскихъ временъ и выражались понятія и обычаи новаго общежитія. Въ старыхъ, очень старыхъ, воспоминаніяхъ Москвы долго хранилась молва о мастерской игрѣ ея въ ролѣ Еремѣевны въ комедіи Ф. Визина, которую любителя играли гдѣ то на домашнемъ театрѣ. Позднѣе мама Митрофанушки любовалась въ Парижѣ игрою m-elle Mars. Всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, старый вѣкъ и новый вѣкъ, сливались въ ней въ разнообразной стройности и придавали личности ея особенное и привлекательное значеніе. Сынъ ея, Григорій Александровичъ, былъ замѣчательный человѣкъ по многимъ нравственнымъ качествамъ и по благородству характера. Знавшіе его коротко и пользовавшіеся дружбою его (въ числѣ ихъ можно именовать Тучкова, бывшаго послѣ Московскимъ генералъ-губернаторомъ) искренно оплакали преждевременную кончину его. Онъ тоже въ своемъ родѣ былъ Русскій и особенно Московскій типъ, отличающійся оттѣнками, которые вынесъ онъ изъ довольно долгаго пребыванія своего въ Парижѣ и въ Италіи. Многіе годы, особенно между предшествовавшими 30-му году и вскорѣ на нимъ слѣдовавшими, былъ онъ на виду у Московскаго общества. Всѣ знали его, вездѣ его встрѣчали. Тогда еще не существовало общественнаго званія: свѣтскаго льва. Но по нынѣшнимъ понятіямъ и по новѣйшей табели о рангахъ, можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ первозванныхъ Московскихъ львовъ. Видный собою мущина, рослый, плечистый, съ частымъ подергиваніемъ плеча, онъ уже и по этимъ наружнымъ и физическимъ отмѣткамъ, былъ на примѣтѣ вездѣ, куда ни являлся. Умственная физіономія его была также рѣзко очерчена. Онъ былъ задорный, ярый спорщикъ, нѣсколько властолюбивый въ обращеніи и мнѣніяхъ своихъ. Въ Англійскомъ клубѣ часто раздавался его сильный и повелительный голосъ. Старшины побаивались его. Взыскательный гастрономъ, онъ не спускалъ имъ, когда за обѣдомъ подавали худо изготовленное блюдо, или вино, которое достоинствомъ не отвѣчало цѣнѣ ему назначенной. Помню забавный случай. Вечеромъ въ газетную комнату вбѣжалъ съ тарелкою въ рукѣ одинъ изъ старшинъ и представилъ на судъ Ив. Ив. Дмитріева котлету, которую Корсаковъ опорочивалъ. Можно представить себѣ удивленіе Дмитріева, когда былъ призванъ онъ на третейскій судъ по этому вопросу и общій смѣхъ насъ, зрителей этой комической сцены. Особенно памятна мнѣ одна зима или двѣ, когда не было бала въ Москвѣ, на который не приглашали бы его и меня. Послѣ присталъ къ намъ и Пушкинъ. Знакомые и незнакомые зазывали насъ и въ Нѣмецкую Слободу и въ Замоскворѣчье. Нашъ тріумвиратъ въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою, на

подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именинный купеческій обѣдъ. Скажу о себѣ безъ особеннаго самолюбія и честолюбія, но и не безъ чувства благодарности, что репутація моя по сей части была безпрекословно и подачею общихъ голосовъ утверждена. Вотъ этому доказательство. На одномъ балѣ, не помню по какому случаю устроенномъ въ Благородномъ Собраніи, одинъ изъ старшинъ, именемъ собратій своихъ, просилъ меня руководствовать или скорѣе *ноговодствовать* танцами, прибавляя безъ всякаго лукаваго и насмѣшливаго умысла: „мы всѣ на васъ надѣемся: вѣдь вы наша примадонна."

Чистосердечіе и смиреніе вынуждаютъ меня сознаться, что тогда было насъ три примадонны.

Заключимъ еще однимъ воспоминаніемъ о Корсаковѣ. Это уже по части литтературной. Корсаковъ вызвалъ на поединокъ кн. Шаликова. Сей послѣдній, въ Дамскомъ журналѣ, или въ Москов. Вѣдомостяхъ, въ точности не упомню, зацѣпилъ личность его намеками, впрочемъ довольно явственными. Ссора, съ помощью миротворцевъ, была улажена безъ дальнѣйшаго кровопролитія.

Дѣла давноминувшихъ лѣтъ,
Преданья старины глубокой!

Воспоминая васъ, какъ удержаться отъ добродушной улыбки и отъ невольнаго грустнаго вздоха? Улыбка тому что̀ было, вздохъ тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ.